

ВАРІАЦІИ НА ТЕМУ КРОНШТАДТЪ*)

„A Tale of the times of old!“

Ossian.

Представить не можете, Милостгосударн, съ какимъ удовольствіемъ читаются въ вашей Пчелѣ статьи о флотѣ, о корабляхъ, о Кронштадтѣ, тѣмъ, которые сами нѣкогда служили подъ красивѣйшимъ изъ всѣхъ военныхъ флаговъ—бѣлымъ съ побѣдоноснымъ Андреевымъ крестомъ. Море, со всѣмъ своимъ непостоянствомъ, со всею обманчивостію. со всѣми опасностями,—грозными бурями, вѣроломными штелями, имѣетъ свои неизъяснимыя, высокія прелести, прелести столь же заманчивыя, столь же увлекательныя, столь же неизгладимыя изъ памяти и сердца, какъ и—*sauf le respect pour les jolies dame*—прелести красавиць. Кто разъ „мѣдною“ грудью спознался съ нимъ, до гроба не забудеть, не разлюбитъ его—и, удаленный, съ такимъ же восхищеніемъ слушаетъ рассказы о немъ, какъ Швейцарець свою родимую „*Kanr-des-vaches*“!. Жаль одного старымъ морякамъ, что такія статьи рѣдки въ вашихъ листкахъ, не имѣютъ своего непремѣннаго въ нихъ мѣста. Кромѣ ихъ, сколько есть отцевъ и матерей, которымъ хотѣлось-бы знать, когда, куда и на долго ли поплывутъ дѣти ихъ на громоносныхъ лебедяхъ

*) Предлагаемыя „Варіаціи“ принадлежатъ перу декабриста подполковника барона Владиміра Штейнгеля. Статья эта предназначена авторомъ для „Сѣверной Пчелы“ и не напечатанная тамъ своевременно за неполученіемъ соответствующаго разрѣшенія, разыскана нами въ одномъ изъ архивовъ г. Иркутска. Читатель найдетъ въ ней много интересныхъ штриховъ, характеризующихъ русскій флотъ конца XVIII и начала XIX в.в. Цѣнность „Варіацій“, какъ матеріала для исторіи флота, усугубляется тѣмъ, что они голосъ образованнаго современника, заслуживающаго, по своимъ нравственнымъ качествамъ, полнаго довѣрія.

В. К—рій.

океана. Ей, ей, Милостивые Государи, смѣемъ предсказывать вамъ значительное приращеніе усердныхъ подписчиковъ, если вы „заведетесь“ постоянными корреспондентами въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Швеаборгѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, Одессѣ; не мѣшаетъ и „у города“—и будете извѣщать о вооруженіи флота, о выходѣ на рейдъ, объ именахъ и рангѣ кораблей и капитановъ, объ отплытіи, о назначеніи, о возвращеніи, и о всѣхъ случайностяхъ, какія родителей и друзей молодыхъ моряковъ занимать могутъ. Подумайте, не больно ли иногда изъ Берлинской газеты и Гамбургскаго корреспондента узнать болѣе, нежели изъ своихъ газетъ. Представьте, случится бѣдствіе, разобьетъ корабль,—фрегатъ; объ этомъ крылатая молва донесетъ невѣрные слухи до кровныхъ, которыхъ сердцу юные моряки такъ близки, сколько догадокъ, опасеній, горести и слезъ безвременныхъ о „погибшихъ“ между тѣмъ какъ они всѣ спасены, и явили при этомъ случаѣ столько мужества, неустранимости и присутствія духа, что надо бы радоваться только и восхищаться, а не плакать. Несчастіе со всѣми бываетъ, тѣмъ чаще съ моряками; таиться нечего: тутъ нѣтъ ничего безславнаго для флота вообще.

У Англичанъ, за которыми покамѣстъ морская слава, кораблекрушенія почти ежегодны, а купеческой ихъ флотъ каждую осень теряетъ чуть не десятый процентъ. Въ 1799 году, пришедъ на Спитгедской рейдъ, мы любовались ихъ 120 пушечнымъ кораблемъ „Королевою Шарлоттою“ (Queen Charlotte), только-что „съ иглочки“. На немъ вице-адмиралъ лордъ Кейтъ отправился тогда въ Средиземное море, и едва дошелъ до Ливорны, корабль взорвало на воздухъ. Отъ чего бы вы думали?.. Сѣно лежало близъ кухни и загорѣлось, ночью!—Они однакожъ не потапли грѣха, все рассказали цѣлому свѣту, какъ дѣло было. Тутъ узнали неимовѣрное присутствіе духа перваго лейтенанта (first lieutenant), который, до послѣдней минуты распоряжался съ полною энергіею моряка, и не хотѣлъ оставить корабля, изъ любви къ нему. И подлинно, было во что влюбиться; мы, тогда молодые, вчуже горевали, узнавъ объ этомъ происшествіи. Горесть наша тѣмъ была сильнѣе, что тутъ погибъ и нашъ, незабвенный для товарищей, молодой, много-обѣщавшій морякъ Куличкинъ, служившій волонтеромъ. Онъ могъ бы съѣхать на берегъ, какъ сами Англичане писали, и не съѣхалъ—Русскій!.. Сказали бы, что въ немъ менѣе духа, нежели въ Англичанинѣ, этой мысли онъ не хотѣлъ, онъ не долженъ былъ пережить; еще повторяемъ—Русской и морякъ! Подобнаго несчастія на нашемъ флотѣ не случалось, и, при нашей дисциплинѣ и порядкѣ быть не можетъ. Правда въ 1800 году, въ самой день

Высочайшаго смотра, при Красной горкѣ, поутру, загорѣлся было у насъ стопушечный корабль „Санктъ“ или какъ матросы называли „Самъ“ Николай; но отъ такой причины, которой, при тогдашнемъ невѣденіи о теоріи возгараемости, простительно было не предупредить осторожностію. Въ Шкиперскихъ каютахъ, около самой крѣпости-камеры, затлѣлась недавно выкрашенная олифою парусина, предназначенная на бортовые сѣтки. Корабль спасенъ догадливостію, проворствомъ и неустрашимостію подшкипера. Имя его должно бы сохраниться въ памяти моряковъ и въ самой исторіи флота; но, именно по молчаливости нашихъ газетъ, оно лишено этой справедливости, и самой примѣръ потерянь для предостереженія другихъ.

Англичане народъ рысковой, у нихъ и не такія еще бѣдствія бывають. Въ пятилѣтнее пребываніе нашего флота у Британскихъ береговъ случилось одно, какому также у насъ не бывало примѣра. Военный ихъ бригъ, спѣшившій къ Голландскимъ берегамъ, въ виду крейсеровавшей эскадры „зарылся“ и какъ ключъ ко дну! Онъ шелъ на фордевиндъ, и несъ слишкомъ много парусовъ, при сильномъ волненіи. У нихъ это считается молодечествомъ, и оно часто доводитъ до бѣды, чего впрочемъ они никогда не скрываютъ. У Французовъ недавно въ Архипелагѣ разбило корабль, помнится, Софрэнъ, и они всю подноготную рассказали, не таясь, и не стыдась. Нѣтъ, ей, ей, извѣщайте подробнѣе, откровеннѣе о флотѣ, о моряхахъ, обо всемъ, что „наносить“ моремъ и смолою, увидите, увидите бездну новыхъ подписчиковъ. Пусть молодые моряки пишутъ намъ, чрезъ васъ, проще и отчетистѣе; мы будемъ довольны рады, благодарны. Не всѣмъ имѣть талантъ Евгенія Сю, да и къ чему онъ тамъ, гдѣ требуется болѣе правоты и точности. Послушайте совѣта: пустите вашу пчелку на приморскій берегъ; пусть она и съ морскихъ растеній, съ самыхъ моллюсковъ, собираетъ медъ для своихъ сотовъ; отведите для этого особый уголокъ въ ульѣ, подъ этикеткою „Nautica res“.—Для пелагофиловъ этотъ съ присолью медокъ будетъ слаще меда горы Гимета.

Все, что мы здѣсь сказали, пусть послужитъ „прелюдію“ къ тому, чѣмъ намъ хочется позабавить, если удастся, васъ и вашихъ читателей—моряковъ. Однажды какъ то потѣшили вы насъ сочиненіемъ молодого, любезнаго питомца Нептунова, подъ рубрикою: „Варіаціи на тему: Кронштадтъ“. Изъ этихъ варіацій, пріятныхъ, утѣшительныхъ для уха, для сердца и для самой гордости Русскихъ, нѣкоторые тронули насъ за живое, иныхъ ухо наше почувствовало невѣрность. Мы ждали отъ кого нибудь изъ нашей братьи, смолянскихъ инвалидовъ,

отголоска; но старые моряки, на покоѣ, не очень видно любятъ приниматься за рупоръ; ожиданіе о сѹ пору остается ожиданіемъ: вздумалось самимъ попробовать—подыграть юному моряку. Чувствуемъ несообразность искусства; но такъ и быть просвищемъ хоть на засорившейся квартирмейстерской дудкѣ—„Варіаціи на варіаціи“ какъ бывало разыгрывали смолоду Гантошкина „Горюна“. За аплодированіемъ не гонимся; наша пора куда ужъ прошла!.. Только бы не ошिकाи. Вотъ же тѣ варіаціи, которыя беремъ за тему:

„Вы, ветераны флота временъ Екатерины и Павла... восклицаете: „вотъ то-то бывало у насъ на флотѣ,... вотъ то-то былъ въ наше время флотъ!“

„Знаю, старость пристрастна къ прошедшему; но, есть такія вещи, которыхъ нельзя не признать превосходства“.

„Я не имѣю яснаго, подробнаго понятія о томъ, что былъ Кронштадтъ въ наше время...“

„...Палы. Не отъ того ли произошло это названіе: „Палы, что эта часть низменна, *впали*?“

„Такіе ли были корабли въ наше время“?... (Сѣв. Пч., 1834, № 146.)

Не знаемъ, гдѣ любезный, юной морякъ подслушалъ восклицаніе ветерановъ того времени, надъ которымъ нынѣ забавляются, называя „онимъ временемъ“. Принадлежа къ числу ихъ, мы по-крайней-мѣрѣ, далеки отъ подобныхъ восклицаній. Напротивъ съ восхищеніемъ любуемся настоящимъ, и смалчиваемъ о быломъ; потому-что прошлое мертво, а *post mortem nihil aut bene!*.. Но, когда вызываютъ, надо говорить правду. Просимъ же прослушать.

Нынѣ со стопушечнымъ кораблемъ лавируютъ по Кронштадскому рейду, увѣряетъ юной морякъ; а мы, въ 1795 году съ 74-хъ пушечнымъ кораблемъ, „Сысоемъ Великимъ“ завозами тянулись съ рейда, да свалились съ кораблемъ „Болеславомъ“ и у него форъ-брамъ-стенги какъ не бывало! За то у насъ былъ капитанъ Потапъ Петровичъ!... Нынѣшнее поколѣніе моряковъ едва ли составитъ идею о немъ.—Бывало у Толбухина маяка снимаются съ якоря, а въ Кронштадтѣ слышно. Любимая команда вахтеннаго, лихаго лейтенанта, при навер-

тываніи шпиля, была: „шуми, ребята, шуми!“ и, нечего сказать, шумѣли всѣмъ міромъ преусердно. Тогда только, какъ побывали въ Англіи, узнали истинную прелесть,—сняться, и чтобъ ни гу-гу!.. Изрѣдка Нептуно-державный голосъ лейтенанта и дудочка Боцмана; а при шпилѣ барабанъ и флейточка. Переняли тотчасъ, за этимъ у насъ не станетъ. До Англіи, чуть къ концу сентябрь, и брамъ-стенъги въ ростры; а бомъ-брамъ-стенегъ и не знали: „авраломъ“ становились на якорь, авраломъ поворачивали чрезъ фордевиндъ; даже съ рифами возились по получасу, а потомъ стали спорить у кого „возьмутъ“ скорѣе, и бирали въ полторы минуты, и менѣе. Рѣдкой тогда офицеръ квадрантъ умѣлъ взять въ руки; о секстантахъ чуть еще слышали; барометровъ въ поминѣ не было; за-то вахтенные часто „придерживались къ вѣтру“ и нерѣдко „заглядывали въ нактоузъ“... для наблюденія за курсомъ, конечно. Что такое были штурманы, шкиперы, комиссары, констапели, объ этомъ палець на уста: къ нимъ тогда прилагалась пословица „кѹрица не птица“. Матросы, не говоря о костюмѣ, кто по-развалистѣе, да ноги колесомъ, тотъ и молодець; а солдаты морскихъ баталіоновъ подъ названіемъ „гороховиковъ“ только что толкались и мѣшали дѣлу. За то команда корабля бывала таже деревенька для капитана!.. Храни Богъ! сказать это обо всѣхъ: были исключенія; вспоминаемъ большинство, массу.

Капитаны тогда были лѣтъ уже далеко за сорокъ; румяные, съ окладистымъ брюшкомъ, потому-что изволите видѣть, ранги различались позументомъ по камзолу, вмѣсто того, что нынѣ знакъ различія подвинуть ближе къ головѣ. Бывало съ какимъ-то благоговѣніемъ смотришь, какъ онъ изволить итти къ шлюпкѣ, подпираясь длинною тростію, какія нынѣ употребляются одними священниками. Тогда не соблюдалась строгая точность въ униформѣ; всякой одѣвался по своей фантазіи, или какъ тогда говаривали, „по вольности дворянства“. Можно было встрѣтить капитана въ бѣломъ мундирѣ съ цвѣтнымъ жилетомъ и въ черномъ, атласномъ, короткомъ нижнемъ платьѣ, на которомъ бросалась въ глаза длинная часовая цѣпочка, золотая, украшенная эмалію, съ сердоликовыми и халцедоновыми печатками. Шелковые, бѣлые чулки и башмаки съ большими серебряными пряжками, или короткіе козловые сапоги, непременно со скрыпомъ, для важности; алой, голубой или пестрой платокъ на шеѣ, и круглая шляпа—довершали костюмъ капитана. Шагу съ золотымъ темлякомъ, или безъ темляка, если была золотая съ надписью „За храбрость“ и бѣлой плащъ съ золотыми кистями, непременно уже несъ вѣстовой изъ гребцовъ, идя сзади шагахъ въ пяти или десяти, судя по тому—сердитой

ли командиръ или милостивецъ; чаще, помнится, ходили въ десяти шагахъ. Капитана ожидалъ катеръ или „десятка“ подъ зеленымъ суконнымъ или бархатнымъ зонтикомъ съ золотою бахромою, и рисованнымъ сверху его гербомъ. На круглыхъ шляпахъ гребцовъ были большія бляхи тоже собственнымъ гербомъ капитана, и съ круглымъ, перегнутымъ тулью, султаномъ. Гребцы составляли какъ бы гвардію его, и непременно должны были жить при домѣ; а квартирмейстеръ шляпки былъ въ родѣ метръ д'отеля, если не назначалось другаго, постоянного изъ урядниковъ или кутыръ.

Въ это время флотъ имѣлъ своего Трунсона, и можетъ-быть не безъ Перигринъ-Пихля. Онъ ничего знать не хотѣлъ, что и какъ на сухомъ пути дѣлается и называется; но во всемъ видѣлъ море и морское. У него коляска именовалась барказомъ, линейка катеромъ, дрожки шлюпкою; закрыть ставни, на его языкъ выходило „задрать порты“— „заряди мушкатонъ“ значило—набей большую пѣнковую трубку кнастеромъ, и т. п. Играя въ бостонъ, нерѣдко съ дамами, онъ всѣ четыре „крали“ называлъ по отечествамъ „услужливыхъ“ старушекъ въ Кронштадтѣ: Спиридоновна, Мелентьевна и т. д. За столомъ, изъ серебряной круглой табакерки, переважно, бралъ щепотку и посыпалъ всякое кушанье—табакомъ, думаете; нѣтъ, перцемъ!.. Словомъ оригиналь, и кто тогда не зналъ Степана Васильевича? Царство ему Небесное! давно покоенъ, а преудивительной былъ капитанъ! Пунши его имѣли десятка полтора названій; а кто „медвѣдя“ бывало откушаетъ; врядъ ли домой доплетется. Весело за то время проводили!.. о, если бъ всё поразсказать! Но перейдемъ скорѣе къ кораблямъ.

Стопушечные корабли были-таки на чтонибудь похожи, имѣли довольно прямые батареи, и сидѣли ровно, казисто на водѣ. Особенно красивъ былъ корабль „Ростиславъ“ двухкаютной Катасанова*) постройки; другой „Двѣнадцать Апостоловъ“ славился мѣдною артиллерією, что, при тогдашнемъ дурномъ литіи чугуновыхъ пушекъ, увеличивало его силу. Напротивъ корабли втораго ранга имѣли сѣдливой видъ; корма и носъ были вздернуты, а середина низкая. Шканцы и бакъ цѣлою ступеню были выше узкихъ шкафутовъ, и когда подымались на ростры гребныя суда, выходило нѣчто, похожее на дромадера. Случалось видѣть корабли, при сѣдливой этой фигурѣ, съ переломомъ батареи, оконечностями внизъ. Великой стоило заботы въ

*) Катасановъ при Государѣ Павлѣ Петровичѣ былъ Оберъ-Сарвасромъ флота, и построилъ „Благодать“ и „Михаила“.

Англіи выпрямлять ихъ наружность краскою и бортовыми сѣтками. До того красились въ одну полосу, тоже съ погибью, грубо-желтою охрою, оставляя борты красными; а на шканцахъ зеленою или голубою краскою: но рѣзба гака-борта часто, ни дать—ни взять, походила на Новгородскія расписныя ставни; какихъ ужъ тутъ красокъ не было: бѣлая, красная, синяя голубая, и наконецъ золотистожелтая, рапиментомъ называемая, все скрашивала; но *de gustibus non est disputandum*—давно говорятъ. Такимъ образомъ мы, на настоящемъ „Элегейтенъ“ явились—было пощеголять подобною кормою въ Портсмутъ; но какъ насъ осмѣяли наши же, то мы въ одну ночь грѣхи покрасили одною блѣдно-палевою краскою.

Въ вооруженіи за красотою и чистотою не слишкомъ гонялись; многое часто бывало даже не въ пропорцію. Станутъ ли подымать барказъ, и сей-тали такъ завизжать, что можно подумать—живую свинью палить. Случалось тоже и съ марса-фалами. Марсели крѣпили „по-марсельному“, рубашкою опущенною на марсъ; гафелей и гиковъ не знали, ихъ замѣняли бизань-ру и драйверъ-рей; боканцевъ для яликовъ не было; флагъ и гюйсъ подымались на флагштокахъ.

Корабли не обшивались мѣдью; объ ней еще не знали. Въ 1787 году, когда капитанъ Муловской готовился въ первую кругосвѣтную экспедицію Россіянъ, которой помѣшала Шведская война, приготовленныя для него суда обшиты были мѣдными гвоздями съ широкими шляпками. Муловской палъ въ слѣдующей битвѣ, и славу, которую готовилъ ему покровитель его Графъ Чернышевъ, оставилъ въ наслѣдство знаменитому теперь Крузенштерну. Такъ справедливо: „*l'homme propose et Dieu dispose*“! Когда въ 1795 году, по оборонительному трактату, заключенному съ Англіею въ февралѣ мѣсяцѣ, наша эскадра ушла въ Нѣмецкое море; то вскорѣ корабли обросли бороною, и на силу двигались, сравнительно съ Англійскими. Это заставило нѣкоторые обшить, и когда вводили ихъ въ доки, находили всю подводную часть въ тинистой корѣ, на четверть толщиною, съ ракушками, морскою капустою и нестерпимою вонью; а фальшивую обшивку всю источенную червями. Англичане пожимали только плечами, и повторяли сквозь зубы свой любимый „*God dam!*“—За то мы видѣли зрѣлище, какое нынѣшнимъ счастливымъ морякамъ едвали удастся видѣть. Бывало весь флотъ идетъ полнымъ бакштагомъ, „неся всевозможныя паруса;“ а обшитые мѣдью корабли „имѣютъ одни марсели на изель-гофтѣ“. Такихъ было не много; корабли: „Елена“ бывший нѣкоторое время подъ вице-адмиральскимъ флагомъ Ханыкова; „Ели-

савета“ на которомъ „сидѣлъ“ вице-адмиралъ Макаровъ; „Ратвизанъ“ которымъ начальствовалъ П. В. Чичаговъ, и потомъ А. С. Грейгъ; фрегатъ „Венусъ“ взятый у Шведовъ храбрымъ Кроуномъ; катера— „Диспачъ“ (Dispatch), купленный у Англичанъ, и „Меркурій“ предъ которымъ „испуганная“ Венусъ спустила флагъ свой.

Перейдемъ собственно ко времени Павла I. Этотъ государь, столь долговременно готовившійся къ своему царствованію, и до того бывшій бездѣйственнымъ только наблюдателемъ, взшелъ на престолъ, Ему съ осьми лѣтъ принадлежавшій, съ преобладающею идеею о необходимости истребить роскошь; положить конецъ злоупотребленіямъ вообще, и вельможъ въ особенности; и водворить повсюду строгой порядокъ съ экономіею. Хотите ли изумленіемъ увѣриться въ отвращеніи Его отъ роскоши, взгляните въ Оружейной Палатѣ на костюмъ Его, въ которомъ Онъ короновался: увидите вещи заготовленные Коммиссаріатомъ для гвардейскихъ солдатъ того времени. Вообще, для приведенія въ дѣйствіе этой преобладающей идеи, взятые мѣры были скоры, рѣшительны, сильны; потому-что давно были обдуманы. Онъ выразились и на флотѣ, на который Государь обратилъ особенное вниманіе: Онъ былъ и остался его генералъ-адмираломъ. Изданъ былъ тотчасъ новый Морской Уставъ. Имъ перемѣнены флаги синій и красный; вмѣсто прежняго и нынѣшняго бѣлаго флага въ углу ихъ помѣщенъ гюйсъ, какъ у Англичанъ. Для сохраненій кораблей, повелѣно желтую краску замѣнить свѣтлымъ тиромъ. Это придало кораблямъ необыкновенный для военныхъ судовъ, и какой-то мрачный видъ, который въ торжественные дни только, и при парадахъ, нѣсколько разъяснялся отъ алыхъ, суконныхъ, съ бѣлою бордюрою, шканць-клетней, какихъ нынѣ уже нѣтъ. Для экономіи въ порохѣ, салютъ въ Царскіе дни отмѣненъ, и это много отняло у эффекта при „расвѣщеніи“ кораблей флагами. Перемѣна мундировъ изъ лебедино бѣлыхъ въ темно-зеленые, какъ ворона крыло, усиливала мрачное впечатлѣніе, особливо въ первый годъ; но вскорѣ привыкли, и нашли этотъ цвѣтъ и удобнѣйшимъ и приличнѣйшимъ. Съ другой стороны, на корабли стало доходить все положенное по штату съ совершенною точностію. Команды обратились къ настоящей службѣ только. Барщинѣ положенъ рѣшительный конецъ, и навсегда. Смѣха достойная пестрота костюмовъ исчезла; ввелось точное соблюденіе формы. Оригиналы вышли въ отставку, и многіе изъ молодыхъ, за отличіе по службѣ, и за приводъ рекрутскихъ партій, повышены чинами. Отъ этого всѣ чины, которые прежде, какою-то жалости достойною гордостію, въ частномъ обращеніи были совершенно разобщены, вдругъ сблизились, что впрочемъ ни мало не повредило дисциплинѣ.

Тутъ узнали, и часто твердили: „Дружба дружбою, а служба службою.“ — Въ 1797 году, когда Государь, поднявъ штандартъ на фрегатъ „Емануиль“ Самъ повелъ двѣ дивизіи бѣлаго и краснаго флаговъ къ Сескару, по соединеніи съ дивизіею синяго флага, пришедшею изъ Ревеля, явилось 47 вымпеловъ. Корабли были хорошо снабжены, и готовы къ бою хоть сейчасъ. До того, флотъ не бывалъ никогда въ такомъ полномъ строѣ. Въ 1800 году явились три новые корабли и два фрегата, составившіе Малтійскую эскадру, и мы видѣли Малтійскій флагъ развѣвающимся въ Кронштадтѣ. „Благодать“ со 138 жерлами была величайшимъ кораблемъ Русскаго флота, и вмѣстѣ свидѣтельствомъ неудобства подобнаго размѣра кораблей для нашего моря и портовъ. Впрочемъ, по краткости времени, не могло и произойти никакой важнѣйшей перемѣны ни въ наружности кораблей, ни въ сущности всего касающагося до благоустройства флота.—Какъ же прикажите намъ восклицать: „Вотъ то то былъ флотъ“?.. Лучше молчать. По крайней мѣрѣ мы останемся въ правѣ попросить юнаго моряка поправить ноты въ своихъ „варіаціяхъ“ и писать впредь: „я знаю, старость не всегда пристрастна къ прошедшему, и охотно готова признавать превосходство настоящаго“.. Между тѣмъ, позвольте. Если дѣло пойдетъ на то, какъ и тогда проявлялась сила Русскаго духа въ морякахъ; мы немножко пріосанились. Вспомните, что этотъ несовершенный флотъ громилъ Турокъ, и заревомъ при Чесмѣ освѣтилъ будущую свою славу. Онъ дрался потомъ со Шведами, въ полтора раза сильнѣйшими, и остался побѣдителемъ; а съ какими средствами? съ какими людьми?.. Многіе корабли въ 1790 году комплектованы были ночными бродягами, нахватаанными полиціею въ Санктпетербургѣ, и даже крѣпостными арестантами изъ Рогервика,—такова была крайность того времени!—Здѣсь кстати помѣстить анекдотъ не многимъ нынѣ извѣстный.

Когда Шведскій флотъ угрожалъ нападеніемъ столицѣ, Императрица Сама изволила посѣтить Кронштадтъ, и замѣтя Капитана надъ портомъ Одинцова, который былъ истинный типъ старыхъ моряковъ того времени, спросила: „А вы какого мнѣнія о Шведскомъ флотѣ?“ — „Ну Матушка, Государыня! я думаю напрасно беспокоиться; Шведской флотъ, ей, ей, двухъ грошей не стоитъ“! Монархиня улыбнулась, и когда, послѣ троекратнаго сраженія, Шведы были прогнаны, изволила прислать съ нарочнымъ Одинцову золотую табакерку, туго набитую червонцами, приказавъ сказать, что это „тѣ гроши, которыхъ Шведской флотъ не стоилъ“.

При государѣ Павлѣ Петровичѣ, когда въ 1800 году объявлена была война Англичанамъ, надобно было видѣть, съ какимъ духомъ, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ моряки желали сразиться съ гордыми „Джеками“. Насъ не страшило, что опытомъ знали ихъ во всемъ превосходство. И, Богъ знаетъ, что было бы, если бѣ Провидѣніе не положило преждевременный конецъ жизни Государя ими оскорбленнаго. Славный, и всѣми любимый адмиралъ Александръ Ивановичъ Крузъ былъ еще живъ. Въ походѣ, „нести всѣ возможные паруса“; при нападенія на непріятели, „спуститься на пистолетный выстрѣлъ!“—были его обыкновенные сигналы. Исторіографъ флота не ошибется, если припишетъ ему наименование „адмирала на пистолетный выстрѣлъ“. Съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ смотрѣли мы всѣ на послѣдующія оборонительныя мѣры, когда обнаружилось намѣреніе не высылать флота изъ портовъ, и выжидать нападенія. Переговоры П. В. Чичагова съ лордомъ Нельсономъ отвратили и послѣднее. Заключенъ миръ. Военные не филантропы, и потому между моряками только и слышно было тогда: „Ахъ! канальство, не удалось!“

Хорошо кавалеристу гарцевать, когда конь во всѣхъ статьяхъ лихой; сполагоря моряку служить и отличать, когда надежный корабль или фрегатъ летаетъ какъ птица, какъ „Паллада“—заглядѣніе!... съ которой стороны ни посмотри, залюбуешься. А какъ въ наше время бывало!.. Капитанъ прикажетъ поставить послѣдній стапель, посмотритъ, посмотритъ, топнетъ съ досады ногою о шканцы, „экая корова!“ скажетъ, стиснувъ зубы, и уйдетъ въ каюту. А прочность какая была!—Чуть буря, полъ вахты у помпъ; все скрипитъ, все расходится, кницы лопаются, болты высовываются изъ гнѣздъ. Съ такими кораблями пять лѣтъ, въ военное время, несли службу въ Нѣмецкомъ морѣ съ Англичанами. Бывало весь корабль, чтобы, такъ сказать, не развалился, стянуть найтовами, и отливая воду во всѣ помпы безпрестанно, все-таки держатся въ крейсерствѣ до срока, тянутся за Англичанами. Когда послѣ того, чинились въ докахъ, то ихъ моряки не могли надивиться смѣлости Русскихъ; увѣряя, что „за сто гиней“—вы знаете это пес plus ultra Англійскаго соблазна—не принудили бы ихъ служить на такихъ корабляхъ.—Въ 1798 году, въ сентябрь, изъ Ревеля послана была небольшая эскадра въ Англію съ контръ-адмираломъ Карцовымъ. Едва вышла она изъ Категата, какъ ее застигъ штормъ и адмиральской корабль „Принцъ-Густавъ“ изъ плѣненныхъ у Шведовъ, до того раскачалось, что онъ погрязъ въ хлябы Нѣмецкаго моря. По счастью, случился въ виду корабль „Алексій“, на который спаслись адмиралъ и вся команда, только въ чемъ были, прочее все

погибло. При всѣхъ этихъ неудобствахъ, чуть корабль поисправнѣе, служили такъ, что Англичане указывали пальцами. У нихъ въ это время былъ строгій вице-адмиралъ Опсло; онъ бывало, разсердясь, на своихъ капитановъ, говаривалъ имъ: „There is an young captain of the young float; let you teach from him“, (Вотъ молодой капитанъ молодого флота, учитесь у него). Эти слова относились къ капитану „Ратвизана“ П. В. Чичагову. Если наши любезные юные моряки сообразятъ все это, и сличать свои корабли, „скованные“ по Сепингеовой и и Зютермееровой методамъ, и вооруженные Пекансовыми бомбовыми пушками, съ тѣми, какіе „слачивались“ въ наше время, по дѣдовскому обычаю „тяпъ да ляпъ, клѣтка“, и обставлялись пушками, какія Богъ послалъ; то отдадутъ и старикамъ должное. Русская пословица говорить: „Тутъ устоя, гдѣ кисель густой!“

Въ настоящее время, когда въ Англійскомъ парламентѣ лордъ Стюартъ, надсѣдающій, кричитъ противъ Россіи, взводя разныя на нее небылицы, и подстрекая къ войнѣ, очень естественно склоняется мысль всякаго наблюдателя политическаго міра къ возможности разрыва съ Англичанами. Досада беретъ, когда слышимъ, какъ незнающіе дѣла, утверждаютъ: „куда нашимъ съ ними тягаться!“ Нѣтъ, мы не такъ думаемъ. Шансы Англичанъ далеко не равны теперь съ нашими. Надо вспомнить, что у нихъ при номинальной многочисленности кораблей, въ дѣйствительной службѣ не болѣе, сколько нужно для ихъ многихъ инстанцій, и они теперь только хлопочутъ, чтобы укомплектовать флотъ до 35 тысячъ. Если у насъ рекруты на флотъ, то и у нихъ 20 лѣтъ не было выстрѣла. Возгорись война, они ненавистнымъ, насильственнымъ своимъ „пресомъ“ нахватаютъ людей „съ бору и съ сосенки“ кого ни попало, недовольныхъ, непривычныхъ къ пушкамъ, ни къ ружьямъ, и при томъ треть команды ихъ кораблей составляютъ морскіе солдаты, которые, по собственному сознанию ихъ капитановъ,—послушайте Базиля Гала,—только-что служатъ помѣхою въ маневрахъ, и оттого называются ими *empty bottles*— „пустыя бутылки“. Напротивъ у насъ экипажи кораблей составляютъ 45 тысячъ самого дисциплинированнаго войска, въ полномъ цвѣтѣ мужества, съ равнымъ искусствомъ владѣющихъ ружьемъ и веревками, и, что того важнѣе, на кораблѣ—„въ одну душу!“ Съ такими людьми если наши примутъ абордажную методу войны. Англичанамъ врядъ ли сдобровать. Когда бывали драки, драки кровопролитныя, въ Шернесѣ и Чатамѣ, наши всегда ихъ били, не смотря на превосходство числа. Положимъ, имъ и удастся „пощипать“ насъ; что за бѣда?—Подъ Нарвою Русскіе были на голову разбиты, и это повело ихъ къ Полтавѣ, гдѣ Великій

Геній Россіи утвердилъ за нею побѣду. Насъ разобьютъ; никто не удивится: этого дескать и ждать было надо. Всѣмъ „извѣстно“, что Англичане „должны“ побѣждать на морѣ, и Наполеонъ въ этомъ былъ увѣренъ!.- Но, Боже сохрани, если удастся, при первой встрѣчѣ ихъ поколотить, морская слава ихъ навсегда погибла!—Тогда пришибленнаго „Леопарда“ всѣ примутся щипать; таковъ ужъ законъ природы; радъ будетъ, если одной шкурой поплотится. Замѣтимъ еще, мы во всякомъ случаѣ будемъ при своихъ портахъ, и съ шестимѣсячною зимою въ запасъ для исправленія; а при наступленіи осени, и при всякомъ поврежденіи надо переплывать на неугомонный Категатъ и Нѣмецкое море, или исправляться въ нейтральныхъ портахъ, платя за все втри-дорога. Словомъ мать-Россія можетъ быть крѣпко увѣрена, что моряки не ударятъ лицомъ въ грязь. Наваринъ живая порука; а смерть, вылетающая изъ Англійскихъ пушекъ, ни чѣмъ не страшнѣе зівшей изъ пушекъ Ибрагима... Но, порывъ къ отечественной славѣ непримѣтно отклонилъ наши варіаціи отъ темы.

...Угодно имѣть ясное понятіе о Кронштадтѣ „нашего времени?“ Слушайте. Мы узнали его, когда докладывали гранитной Кроншлотъ, и только-что начали рыть „Италіанской прудъ“—нашимъ варіаціямъ на эти „варіацію-тему“ не было бы конца, если бы стали переливаться изъ *lamentabile* въ *allegro*, отъ *largo* пускаться въ *ad libitum*; но мы постараемся разыграть *staccato*, или, попросту „на щипокъ“.

Первый военный портъ Россійской имперіи, въ это время, былъ въ совершенномъ запущеніи. Что прочное осталось отъ геніальнаго основателя, съ надписью: „Дѣло являетъ, каковъ былъ трудъ“, то только и держалось. Пушки съ раковинами, на подгнившихъ станкахъ, составляли оборону бастіоновъ и куртинъ, едва держащихся отъ дряхлости. А гарнизонъ?—соотвѣтствовалъ вполнѣ укрѣпленіямъ. Нынѣшнее поколѣніе не въ состояніи представить себѣ настоящаго о немъ понятія. Гарнизонный солдатъ того времени въ такомъ же разстояніи, если не далѣе, стоялъ ниже послѣдняго нынѣшняго рядоваго инвалидной команды, въ какомъ этотъ отъ гренадира лейбъ-гвардіи; повѣрьте безъ преувеличенія. Что за костюмъ линяло-травяно-зеленый! Что за выправка!.. Что за амуниція!.. Нынѣ все это почли бы за самую ѣдкую каррикатуру на военное званіе. Тогда, въ насмѣшку, говорили, что выводъ гарнизонъ въ парадъ, офицеры командовали: „которые въ лаптяхъ въ переднюю, а въ отопкахъ (т. е. въ отоптанныхъ уже въ лаптяхъ) въ заднюю“.—Всѣ войски строились еще въ двѣ шеренги. Бѣдность была такова на всемъ, что даже ко-

пьеца у знаменъ были желѣзные, какъ на простыхъ пикахъ. И этого гарнизона, въ самое время войны со Шведами, было такъ мало, что кадеты Морского корпуса, который тогда помѣщался въ зданіи, занимаемомъ нынѣшнимъ штурманскимъ полуэкипажемъ, выводимы были три раза на земляной валъ, съ ружьями безъ курковъ, для маскированія, чтобъ издали могли быть приняты за войско!... Качаете головою, сомнѣваетесь, не вѣрите?.. Снимаемъ образъ со стѣны!—Послушайте далѣе. У крѣпостныхъ воротъ, которые ведутъ на „косу“, стоялъ часовой въ будкѣ,—это былъ родъ „избушки на курьихъ ножкахъ“—какъ бы вы думали? лѣтъ пятнадцать безсмѣнно! Онъ молодой и продавалъ табакъ „Амафорской“.—Тогда во всѣ караулы ходили по-недѣльно. Въ субботу свечера отдавалось отъ Главнаго Командира, въ приказѣ, кто куда назначался. Отъ этого у моряковъ нашего времени осталась поговорка: „А Прохору Лежневу быть по прежнему“. Былъ, вотъ видите, когда-то мичманъ шалунъ (потомъ однакожъ контръ-адмиралъ) котораго въ заключеніи каждаго приказа оставляли такимъ образомъ на слѣдующій караулъ. Можно легко вообразить, какъ соблюдалась служба при такомъ недѣльномъ „квартированіи“ на гаупвахтѣ.—Полиція была столь слаба, что не проходило ночи безъ грабежа, и даже убійства; ходили на ходуляхъ такъ называемыя „смертовки“ и желѣзными когтями обдирали прохожихъ; около огненной, какъ тогда называли, машины проходу подъ вечеръ не было; и это почиталось какъ бы не отвратительнымъ зломъ. Государь Павелъ Петровичъ всему положилъ конецъ; какъ рукой сняло: гарнизоны сравнялись съ лучшими армейскими полками; у полиціи откуда взялась бдительность.

Внутренность порта и города была не мощеная, и чуть дождь, грязь по колѣно. По отстройкѣ Екатерининскихъ казармъ, когда отъ нихъ провели открытые каналы, подобные прежнимъ Василеостровскимъ, къ морю, для стока нечистотъ; то къ „Заднимъ Паламъ“, безъ насморка, нельзя было приближаться... Не договариваемъ. Кстати объяснить. „Задними Палами“ это мѣсто звалось по аналогіи, а не отъ впалости. Въ Военной и Средней гаваняхъ, въ задніе палы ставились суда, никуда уже негодныя, предназначенныя къ сломкѣ; и слѣдовательно эта часть гаваней почиталась какъ-бы „забросовою“; такова точно была и та часть города. Нынѣ, видно, время отъѣло эпитетъ „Заднія“ и потому юный морякъ не доискался прямого происхожденія этого слова. Дряхлое состояніе гаваней, и прегрязное города, долго бы еще существовали, еслибъ не особенный случай, во многихъ отношеніяхъ, стоящій разсказа. Вотъ видите какъ это случилось. Въ 1801 году,

весною, по вскрытіи рейда, юный Государь Александръ дважды посѣтилъ Кронштадтъ. Возвращенные тогда изъ плѣна Англичане, вооружая свои суда въ Купеческой гавани, куда императоръ приставалъ,— по собственному побужденію раскидывались по реямъ и вантамъ, бросали вверхъ шляпы, и оглашали воздухъ громкими: „Hura! hura! Alexander for ever“! О руссквхъ и говорить нечего: все сливалось въ одинъ истинный восторгъ. Въ этомъ Триумфѣ Государь проходилъ отъ Купеческой гавани до адмиралтейства, и по осмотрѣ доковъ и бесѣдки, садясь въ шлюпку у рундука Средней гавани, отплывалъ изъ Кронштадта, довольный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Въ это самое время контръ-адмиралъ П. В. Чичаговъ возвратился съ благопріятнымъ окончаніемъ порученныхъ ему переговоровъ съ Нельсономъ, и ему Высочайшимъ приказомъ повелѣно „состоять въ свитѣ Государя“. Слыша отъ окружавшихъ Монарха какъ были въ Кронштадтѣ, и какъ Государь былъ всѣмъ доволенъ, Павелъ Васильевичъ съ свойственною ему улыбкою сказалъ: „Попробовалъ бы Государь заглянуть туда, гдѣ сто лѣтъ ни одного Монарха нога не бывала, Онъ увидѣлъ бы совсѣмъ другое“.—Это было пересказано Государю, и при первой встрѣчѣ съ Павломъ Васильевичемъ, Императоръ ему объявилъ, что въ слѣдующій разъ, какъ вздумаетъ ѣхать въ Кронштадтъ, возьметъ его съ собою, и надѣется увидѣть все въ настоящемъ видѣ. Такъ это и случилось. Павелъ Васильевичъ привезъ Государя къ среднимъ воротамъ Военной гавани, гдѣ насилу дождались, что бы отворили бомъ; кое какъ взошли по гнилой лѣстницѣ на гавань, и когда Императоръ пошелъ по гнилому мосту, Павелъ Васильевичъ на каждомъ шагу предостерегалъ Его: „Не оступитесь Государь“! Показавъ магазины Военной гавани, бывшіе въ самомъ жалкомъ положеніи, онъ повелъ Государя по Брамлинѣ, мимо губернскихъ казармъ, запачканныхъ, съ бумажками вмѣсто стеколь; тутъ встрѣтилась толпа трекающихъ матросовъ съ засучеными брюками, по колѣно въ грязи; они тащили деревянный брусъ. „Что это значитъ?“ спросилъ изумленный Монархъ. „Это люди въ должности скотовъ“, отвѣчалъ Павелъ Васильевичъ, „положено до ста лошадей при адмиралтействѣ, а ихъ нѣтъ и третьей доли, и тѣ обращены на собственное употребленіе“.—Можно представить, какое это произвело впечатлѣніе и на юнаго монарха и на окружающихъ. Отсюда прошли къ Екатерининскимъ казармамъ, чрезъ такъ называвшуюся „Перемычку“, и наконецъ даже въ „Задніе Палы“. Тутъ Государь просто ужаснулся. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ оборотную сторону медали, а не ту, которую обыкновенно „любятъ“ показывать, Императоръ отѣхалъ съ неудовольствіемъ, но съ отличною благодарностію къ контръ-адмиралу Чичагову. На другой же или на третій день, послѣдовало

Высочайшее повелѣніе о составѣ комиссіи исправленія Кронштадскаго порта. Этимъ смѣлымъ и правдивымъ поступкомъ контръ-адмиралъ Чичаговъ проложилъ себѣ путь къ званію Морскаго Министра. Министерство его тѣмъ уже составляетъ незабвенную эпоху въ Исторіи Россійскаго флота, что съ него всѣ военныя суда, безъ изъятія, начали обшивать мѣдью. Предчувствуемъ любопытство: „Какъ могъ Кронштадтъ остаться въ такомъ положеніи послѣ царствованія Государа Павла Петровича“? Могли бы отвѣчать удовлетворительно; но мы пишемъ не Mémoires а „варіаціи“, которыя становятся можетъ-быть, и безъ того утомительны. Показать ли еще нравственную сторону?... Вызывать ли изъ гробовъ тѣни силачей, питуховъ, оригиналовъ, остряковъ и такъ называемыхъ „раздрогъ“ того времени, о которыхъ пѣвали: „Во первыхъ-то саянхъ... такой-то; во вторыхъ-то саянхъ... такой то“, и припѣвали хоромъ: „Ой-ли“!... Нѣтъ, не достаесть смѣлости. Миръ праху ихъ: они жили въ безмятежномъ духѣ своего „Кронштадскаго“ времени; вотъ все, что о нихъ сказать себѣ позволяемъ.

Юные любезные моряки! не осуждайте же насъ стариковъ. Мы не виноваты, что по закону природы, родились прежде васъ, и не могли имѣть того образованія, которое вашею счастливою звѣздою, вамъ досталось въ удѣлъ. Не забудьте, мы вамъ братья единопутробные: мы изъ тѣхъ же сосцевъ сосали млеко познанія, изъ которыхъ и вы; ваше гуще, сытнѣе передъ вами! Но квасъ, вѣроятно, остается въ одной добротѣ, и мы пили его изъ тѣхъ же серебряныхъ стопъ, съ позолотою внутри, въ которыхъ и вамъ подавали. Священныя связи: они выше всякаго родства!—Нѣтъ, право, не кичитесь надъ нами, стариками.

В. Обвинской. (Баронъ Штейнгель.)

Иркутскъ.

7 октября 1836.

Сообщилъ В. Крыжановскій.

